

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1826.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Aetas prima canat veneres, extrema tumultus.

PROPERTIUS. II. 8.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1826.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предспавлено было въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санкт-петербургъ, 8 Октября 1825 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Опть Издашелей..... хі

Э Л Е Г І И.

I.	Пробужденіе. 1816.....	3
II.	Мечташелю. 1818.....	5
III.	(Увы, зачѣмъ она блистаетъ). 1819.....	7
IV.	(Мой другъ, забышы мной слѣды). 1821.....	8
V.	Друзьямъ. 1816.....	9
VI.	Выздоровленіе. 1818.....	10
VII.	Война. 1821.....	12
VIII.	(Я пережилъ мои желанья). 1821.....	14
IX.	(Умолкну скоро я) 1821.....	15
X.	Гробъ юноши. 1821.....	16
XI.	(Простишь ли мнѣ ревнивыя мечшы) 1823..	19
XII.	(Ты вянешь и молчишь) <i>Подражаніе Ан. Шенъе.</i> 1824.....	21
XIII.	(Погасло дневное свѣшило). <i>Подражаніе Байрону.</i> 1820.....	22
XIV.	Сожженное письмо. 1825.....	24
XV.	(Ненастный день попухъ). <i>Отрывокъ.</i> 1823...	25
XVI.	Желаніе славы. 1825.....	27
XVII.	Андрей Шенъе. 1825.....	29

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.	Къ Овидію. 1821	39
II.	Русалка. <i>Баллада</i> . 1819.....	44
III.	Гробъ Анакреона. 1815.....	48
IV.	Черная шаль. <i>Молдавская пѣсня</i> . 1820.....	50
V.	Торжество Вакха. 1817.....	53
VI.	Фоншану Бахчисарайскаго дворца. 1820.....	57
VII.	Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. 1822.....	59
VIII.	Пѣвецъ. 1816.....	65
IX.	Амуръ и Гименей. <i>Сказка</i> . 1816.....	66
X.	Разлука. 1817.....	69
XI.	Адели. 1822.....	70
XII.	Виноградъ. 1820.....	71
XIII.	Стансы Т — му. 1819.....	72
XIV.	Уединеніе. 1819.....	74
XV.	Прозерпина. 1824.....	76
XVI.	Домовому. 1819.	78
XVII.	Вакхическая пѣсня. 1825.....	79
XVIII.	Въ альбомъ. 1825.....	80
XIX.	Друзьямъ. 1822.....	81
XX.	Къ морю. 1824.....	83
XXI.	Демонъ. 1823.....	87
XXII.	Подражаніе Турецкой пѣснѣ. 1820.....	89

XXIII. Тѣлега жизни. 1823.....	90
XXIV. Наполеонъ. 1821.....	91

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I. Пріяшелямъ.....	99
II. (Охотникъ до журнальной драки).....	100
III. (У Кларисы денегъ мало).....	101
IV. Добрый человекъ.....	102
V. Ех ungve leonet.....	103
VI. Исторія стихотворца.....	104
VII. Уединеніе.....	105
VIII. Лилъ.....	106
IX. Роза.....	107
X. Имянины.....	108
XI. Къ портрету Жуковского.....	109
XII. Надпись къ портрету * * *.....	110
XIII. К. А. Б.....	111
XIV. Старикъ. <i>Изъ Марота</i>	112
XV. Веселый пиръ.....	113
XVI. (Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный)....	114
XVII. Иностранкъ.....	115
XVIII. (Какъ брань шебъ не надоѣла).....	116
XIX. Къ * * *.....	117
XX. [♠] Пріятелю.....	118
XXI. Птичка.....	119

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.	Муза. 1821.....	123
II.	Доридѣ. 1820.....	124
III.	(Рѣдѣшъ облаковъ лепучая гряда). 1820....	125
IV.	Юноша. Сафо. 1825.....	126
V.	Нереида. 1820	127
VI.	Діонея. 1821	128
VII.	Дорида. 1820	129
VIII.	Дѣва. 1821.....	130
IX.	Ночь. 1823.....	131
X.	Примѣшы. 1821.....	132
XI.	Земля и море. <i>Идиллія Мосха</i> . 1821.....	133
XII.	Красавица передъ зеркаломъ. 1821.....	134

ПО С Л А Н І Я.

I.	Лицинію. <i>Съ латинскаго</i> . 1815.....	137
II.	В * * * му. 1819.....	141
III.	П * * * ну. <i>Отрывокъ</i> . 1817.....	145
IV.	Ш * * * ву. 1816.....	147
V.	Дельвигу. 1817	149
VI.	Кривцову. 1819.....	151
VII.	Алексѣву. 1821.....	153
VIII.	К * * * ну. 1821.....	155

IX.	Козлову. <i>По полученіи отъ него Чернеца.</i>	
	1825.....	156
X.	Прелестницѣ. 1818.....	158
XI.	N. N. 1819.....	160
XII.	Ч***ву. <i>Съ морскаго берега Тавриды.</i> 1820...	162
XIII.	Гречанкѣ. 1822.....	164
XIV.	Дочери Карагеоргія. 1820.....	166
XV.	Жуковскому. <i>На изданіе книжекъ его: Для нелюбихъ.</i> 1818.....	167
XVI.	Ч***ву. 1821.....	169

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

I.	(Клянусь чешой и нечешой) 1824.....	175
II.	(О жены чистыя пророка). 1824.....	177
III.	(Смушясь, нахмурился пророкъ). 1824.....	179
IV.	(Съ Тобою древлѣ, о Всесильный). 1824...	181
V.	(Земля недвижна). 1824.....	182
VI.	(Недаромъ вы приснились мнѣ). 1824.....	183
VII.	(Возстанъ, боязливый). 1824	185
VIII.	(Торгуя совѣстью предъ бѣдной нищетою).	
	1824.....	186
IX.	(И пунникъ усталый на Бога ропшалъ).	
	1824.....	187
	Примѣчанія.....	190

О Т Ъ И З Д А Т Е Л Е Й.

Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ современемъ въ особенной книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно называемыхъ поэмъ.

Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ поэтическихъ дарованій. Мы считаемъ себя въ правѣ ожидать особеннаго вниманія и снизхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поугительно будетъ для занимающихся словесностію, сравнить четырнадцатилѣтняго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію поэтическихъ его досуговъ въ первое дѣсятилѣтіе авторской жизни.

Многія изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, можетъ быть, нами и пропущены. При всемъ томъ это

первое въ нѣкоторомъ порядкѣ собраніе небольшихъ стихотвореній такого автора, котораго все читаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и предъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографическія ошибки. Для предварительной поправки выписываемъ замѣчанныя нами.

Напечатано :

Надобно поправить :

Стран. Строк.

54.	11.	ноги	роги
60.	7.	Волхвы	« Волхвы
79.	9.	Подвинемъ	Подыдемъ
149.	2.	забошь	забошь и бѣдь

Э Л Е Г И И.

Э Л Е Г И И.

I.

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладось?
Гдѣ пы, гдѣ пы,
Ночная радось!
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во шмѣ глубокой
Я пробуждѣнь.
Кругомъ постели
Немая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улешѣли
Толпою прочь
Любви мечпанья.

Еще полна
Душа желанья
И ловишь сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь!
Внемли моления:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И пошпру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный !

II.

МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты въ спрасши горестной находишь наслажденье;
 Тебѣ пріятно слезы лишь,
 Напраснымъ пламенемъ помозишь воображенье
 И въ сердцѣ тихое уныніе шайшь:
 Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечшатель!
 О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искашель,
 Постигло страшное безуміе любви;
 Когда бъ весь ядъ ея кишель въ швоей крови;
 Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи
 На ложѣ, медленно перзаемый поской,
 Ты звалъ обманчивый покой,
 Вошще смыкая скорбны очи,
 Покровы жаркіе рыдая обнималъ
 И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
 Повѣрь, тогда бъ ты не писалъ
 Неблагодарнаго мечшанья.
 Нѣтъ, нѣтъ! Въ слезахъ упавъ къ ногамъ
 Своей любовницы надменной,
 Дрожащій, блѣдный, испуленной,
 Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:

Опдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возмите опъ меня сей образъ роковой!
Довольно я любилъ: опдайте мнѣ покой!
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Оспались вѣчно бы съ тобой.

III.

Увы, зачѣмъ она блистаець
 Минушною, нѣжною красою!
 Она примѣшно увядаець
 Во цвѣтѣ юности живой...
 Увянець! Жизнью молодою
 Недолго наслаждаеца ей;
 Недолго радоваеца собою
 Щасливый кругъ семьи своей;
 Безпечной, милой оспрошою
 Бесѣды наши оживляеца,
 И шихои, ясною душою
 Спрадальца душу услаждаеца!
 Спышу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
 Сокрывъ уныніе мое,
 Наслушаеца рѣчей веселыхъ
 И наглядѣеца на нее.
 Смопру на всѣ ея движенья,
 Внимаю каждыи звукъ рѣчей:
 И мигъ единый разлученья
 Ужасень для души моей.

IV.

Мой другъ! Забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
 И младости моей мятежное печенье.
 Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
 Что я любилъ, что измѣнило мнѣ!
 Пускай я радости вкушаю неполнѣ!
 Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
 Безпечно вѣрь ему, лешучій мигъ лови!
 Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцѣлуевъ сладострасья;
 Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
 Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
 Къ чему тебѣ внимать безумства и спрасней
 Незанимательную повѣсть?
 Она твой шикій умъ невольно возмушитъ;
 Ты слезы будешь лишь, ты сердцемъ содрогнешься;
 Довѣрчивой души безпечность улещитъ,
 И ты моей любви, бышь можешь, ужаснешься.
 Бышь можешь, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
 Лишишься я боюсь послѣднихъ наслажденій:
 Не требуй отъ меня опасныхъ опкровеній!
 Сегодня я люблю, сегодня щасливъ я!

V.

Д Р У З Ь Я М Ъ.

Богами вамъ еще даны
Злапыя дни, злая нощь,
И томныхъ дѣвъ усремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Упрямьте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

VI.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣль, милый другъ?
 Или невѣрное по было сновидѣнье,
 Мечтанье смущное, и пламенный недугъ
 Обманомъ волновалъ мое воображенье?
 Въ минушы мрачныя болѣзни роковой
 Ты ль, дѣва нѣжная, спояла надо мной
 Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?
 Такъ, видѣль я себя! Мой пусклый взоръ узналъ
 Знакомыя красы подъ сей одеждой рапной:
 И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
 Но вновь въ умѣ моемъ снѣснились мрачны грезы:
 Я слабою рукой искалъ себя во мглѣ...
 И вдругъ я чувствую швое дыханье, слезы
 И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...

Безсмертные! Съ какимъ волненьемъ
 Желанья, жизни огонь по сердцу пробѣжалъ!

Я закипѣль, затренипалъ:

И скрылась шы прелестнымъ привидѣниемъ.
 Жестокій другъ! Меня помиишь шы упоениемъ:

Приди, меня мершвишь любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! Пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ швои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой,
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова низпослали боги,
А съ нимъ и сладкія превози
Любви таинственной и шалости молодой.

VII.

В О Й Н А .

Война! . . . Подьяпы наконецъ ,
 Шумящъ знамена бранной чести !
 Увижу кровь , увижу праздникъ меспи ;
 Засвищешъ вкругъ меня губительный свинець .
 И сколько сильныхъ впечатлѣній
 Для жаждущей души моей !
 Стремленье бурныхъ ополченій
 Тревоги снана , звукъ мечей
 И въ роковомъ огнѣ сраженій
 Паденье ратныхъ и вождей !
 Предметы гордыхъ пѣснопѣній
 Разбудящъ мой уснувшій геній .
 Все ново будешъ мнѣ : простая сънь шапра ,
 Огни враговъ , ихъ чуждое зыванье ,
 Вечерній барабанъ , громъ пушки , визгъ ядра
 И смерти грозной ожиданье .
 Родишься ль ты во мнѣ , слѣпая славы спрасъ ,
 Ты , жажда гибели , свирѣпый жаръ героевъ ?
 Вънокъ ли мнѣ двойной достанешся на часъ ,
 Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ ,

И все умереть со мной : надежды юныхъ дней ,
Священный сердца жаръ , къ высокому спременье ,
Воспоминаніе и брата и друзей ,

И мыслей шворческихъ напрасное волненье ,
И пы , и пы , любовь ? . . . Уже ль ни бранный шумъ ,
Ни ратные труды , ни ропоть гордой славы ,
Ничто не заглушишь моихъ привычныхъ думъ ?

Я шаю , жертва злои оправы :

Покой бѣжишь меня ; нѣтъ власти надъ собой ,
И шягоспная лѣнь душою овладѣла . . .

Что жь медлишь ужась боевой ?

Что жь битва первая еще не закицѣла ? . . .

VIII.

Я пережилъ свой желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Оспались мнѣ одни спраданья,
Плоды сердечной пустошы.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣшущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придешь ли мой конецъ!

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свиспъ,
Вднѣ на вѣшкѣ обнаженной
Трепещешь запоздалыи листь.

IX.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ спруны отвѣчали ;
Но если юноши , внимая молча мнѣ ,
Дивились долгому любви моей мученью ;
Но если ты сама, предавшись умиленью ,
Печальные стихи швердила въ пишинѣ
И сердца моего языкъ любила спрастной ;
Но если я любимъ : позволь , о милый другъ ,
Позволь одушевишь прощальный лиры звукъ
Завышнымъ именемъ любовницы прекрасной !
Когда меня навѣкъ обымешъ смершнымъ сонъ ;
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ :
Онъ мною былъ любимъ , онъ мнѣ былъ одолжёнъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновееньемъ !

X.

Г Р О Б Ъ Ю Н О Ш И.

.....Сокрылся онъ,
 Любви, забавъ пипомецъ нѣжной;
 Кругомъ него глубокій сонъ
 И хладъ могилы безмяшежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
 Когда весной въ пѣни деревъ
 Онѣ кружились на свободѣ;
 Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
 Не слышенъ ужь его припѣвъ.

Давно ли спарцы любовались
 Его веселоспью живой,
 Полупечально улыбались
 И говорили межъ собой:
 И мы любили хороводы,
 Блиспали пакже въ насъ умы;
 Но погоди, приспѣюшь годы,
 И будешь по, что нынѣ мы;
 Какъ намъ, о міра гостъ игривый,

Тебѣ постынешь бѣлый свѣшъ;
 Теперь играи! » . . . Но спарцы живы,
 А онъ увяль во цвѣшѣ лѣшѣ.
 И безъ него друзья пируюшъ,
 Другихъ ужъ полюбихъ успѣвъ;
 Ужь рѣдко, рѣдко именуешъ
 Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
 Изъ милыхъ жень, его любившихъ,
 Одна, бышь можешъ, слезы лѣшѣ,
 И памяшъ радостей почившихъ
 Привычной думою зовешъ . . .
 Къ чему?

Надъ ясными водами

Гробницы мирною семьей
 Подъ наклоненными крестами
 Тамъся въ роцѣ вѣковой.
 Тамъ, на краю большой дороги,
 Гдѣ липа спарая шумихъ,
 Забывъ сердечныя тревоги,
 Нашъ бѣдный юноша лежихъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Иль ходихъ мѣсяцъ средѣ небесъ,

И вокруг безчувственной гробницы
Ручей журчить и шепчетъ лѣсъ ;
Напрасно упромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идешь и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаешь :
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

XI.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ върна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даришь надеждою пуспой
Твой чудный взоръ, по нѣжный, по унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда въ полѣ ихъ страшной
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадою одинокой!
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводишь ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый швой укоръ
Меня мершвишь, любви не выражая.

* *

Скажи еще : соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заспавъ меня съ шобой,
Зачѣмъ тебя привѣществуешь лукаво?...
Что жь онъ тебѣ? Скажи , какое право
Имѣешь онъ блѣднѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣща,
Безъ мапери , одна , полуодѣща,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
Но я любимъ!.. Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ , тебя я понимаю.
Мой милый другъ , не мучь меня , молю!
Не знаешь ты , какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты , какъ шажко я спрадаю!

XII.

Ты вянешь и молчишь ; печаль тебя снѣдаетъ ;
 На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираешь .
 Давно швоей иглой узоры и цвѣты
 Не оживлялися . Безмолвно любишь ты
 Груспишь . О , я знаюкъ въ дѣвической печали !
 Давно глаза мои въ душѣ швоей чипали .
 Любви не упайишь : мы любимъ , и какъ насъ ,
 Дѣвицы нѣжныя , любовь волнуешь васъ .
 Шаспливы юноши ! Но кто , скажи , межъ ними
 Красавецъ молодой съ очами голубыми ,
 Съ кудрями черными ? . . . Краснѣешь ? Я молчу ,
 Но знаю , знаю все ; и если захочу ,
 То назову его . Не онъ ли вѣчно бродишь
 Вкругъ дома швоего и взоръ къ окну возводишь ?
 Ты впайнѣ ждешь его . Идешь , и ты бѣжишь ,
 И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь .
 Никто на праздникъ блисшательнаго мая ,
 Межъ колесницами роскошными лешая ,
 Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
 Не влашшвуетъ конемъ по приходу своей !

XIII.

Погасло дневное свѣшило;
 На море синее вечерній палъ шуманъ.
 Шуми , шуми , послушное въприло!
 Волнуися подо мной , угрюмый океанъ!
 Я вижу берегъ опдаленный ,
 Земли полуденной волшебные края :
 Съ волненьемъ и поскою шуда спремлюся я ,
 Воспоминаньемъ упоенный . . .
 И чувствую : въ очахъ родились слезы вновь ;
 Душа кипишь и замираешъ ;
 Мечта знакомая вокругъ меня лешаетъ ;
 Я вспомнилъ прежнихъ лѣшь безумную любовь ,
 И все, чѣмъ я спрадалъ , и все, что сердцу мило ,
 Желаній и надеждъ помисельный обманъ . . .
 Шуми , шуми , послушное въприло !
 Волнуися подо мной , угрюмый океанъ !
 Леши , корабль , неси меня къ предѣламъ дальнымъ
 По грозной прихоти обманчивыхъ морей ,
 Но только не къ брегамъ печальнымъ
 Туманной родины моей ,

Спраны , гдѣ пламенемъ спрасшей
 Впервые чувства разгарались ,
 Гдѣ музы нѣжныя мнѣ шайно улыбались ,
 Гдѣ рано въ буряхъ опцвѣла
 Моя поперянная младость ,
 Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное спраданью предала!
 Искапель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ , опечески края!
 Я васъ бѣжалъ , пишомцы наслажденій,
 Минушной младости минушныя друзья!
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій ,
 Которымъ безъ любви я жершвовала собой ,
 Покоемъ , славою , свободой и душой ,
 И вы забышы мной , измѣнницы младыя ,
 Подруги шайныя моея весны злапыя ,
 И вы забышы мной!... Но прежнихъ сердца ранъ ,
 Глубокихъ ранъ любви , ничшо не излѣчило...
 Шуми , шуми , послушное вѣшрило!
 Волнуйся подо мной , утрюмый океань!...

XIV.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она вельма...
Какъ долго медлилъ я! Какъ долго не хошѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталь: гори, письмо любви!
Горюшь я; ничему душа моя не внемлеть.
Ужь пламя жадное листы свои приемлеть...
Минушу... вспыхнули... пылають... легкій дымъ
Віась перяешся съ моленіемъ моимъ.
Ужь перспня вѣрнаго ушрапя впечашлѣнье,
Разпопленный сургучъ кипить... О провидѣнье,
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣшныя черты
Бѣльюшь... Грудь моя спѣснилась. Пепель милой,
Оспрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Ошанься вѣкъ со мной на горестной груди!

XV.

Ненастный день попухъ; ненастной ночи мгла
 По небу спелешся одеждою свинцовой;
 Какъ привидѣніе за рощею сосновой
 Луна шуманная взошла...

Все мрачную поску на душу мнѣ наводишь.
 Далеко, шамъ, луна въ сіяніи возводишь;
 Тамъ воздухъ напоень вечерней шеплопой;
 Тамъ море движешся роскошной пеленой
 Подъ голубыми небесами...

Вошь время! По горѣ шеперь идетъ она
 Къ брегамъ, пополеннымъ шумящими волнами;
 Тамъ, подъ завѣшными скалами,

Теперь она сидишь печальна и одна...

Одна....никшо предъ ней не плачешъ, не поскуешъ;
 Никшо ея колѣнь въ забвеньи не цѣлуешъ!

Одна.. ничьимъ усшамъ она не предаешъ

Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ!

.

Никшо ея любви небесной не достоинъ!

Не правда ль: ты одна...ты плачешь... я спокоенъ;

.

Но если

XVI.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный ,
 Безмолвно предъ побой кольнопреклонный ,
 Я на себя глядѣль и думаль: пы моя;
 Ты знаешь, милая, желаль ли славы я!
 Ты знаешь: удалень ошь въшреннаго свѣша,
 Скучая суешнымъ прозваніемъ поэта,
 Усшавъ ошь долгихъ бурь, я вовсе не внималь
 Жужжанью дальному упрековъ и похваль.
 Могли ль меня молвы шревожишь приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ шомишельные взоры
 И руку на главу мнѣ шихо наложивъ,
 Шепшала пы: скажи, пы любишь, пы щаспливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любишь не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я сшѣсенное молчаніе храниль,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Чшо нѣшь грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И чшоже? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Чшо я, гдѣ я? Сшою,

Какъ пупникъ, молніей постигнушый въ пусшынѣ,
И все передо мной зашмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ помимъ:
Желаю славы я, чшобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чшобъ шы мною
Окружена была, чшобъ громкою молвою
Все, все вокругъ себя звучало обо мнѣ,
Чшобъ, гласу вѣрному внимая въ шишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.

XVII.

А Н Д Р Е Й Ш Е Н Ь Е.

(Посвящено Н. Н. Раевскому.)

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveilloit. . . .

Межь шѣмъ , какъ изумленный мѣръ
На урну Байрона взираешь ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данше шѣнь его внимаешь ,

Зовешь меня другая шѣнь ,
Давно безъ пѣсень , безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни спраданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви , дубравъ и мира ,
Пѣвцу возвышенной мечпы
Звучишь незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлешь онъ и ты.

Подьялась вновь усталая съкира
 И жертву новую зовешъ.
 Пѣвецъ гошовъ; задумчивая лира
 Въ послѣдній разъ ему поешъ ¹.

Заушра казнь, привычный пиръ народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поешъ? Поешъ она свободу:
 Не измѣнилась до конца!

“

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства!
 Я плахъ обречень. Последніе часы
 Влачу. Заушра казнь. Торжественной рукою
 Палачь мою главу подыметь за власы
 Надъ равнодушною толпою.
 Простите, о друзья! Мой безпріюшный прахъ
 Не будешь почивать въ саду, гдѣ проводили
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранъ назначали.

Но , други , если обо мнѣ
 Священно вамъ воспомяненье;
 Исполните мое послѣднее желанье:
 Оплачьте , милые , мой жребій въ шинѣ!
 Спрашитесь возбудишь слезами подозрѣнье!
 Въ нашъ вѣкъ , вы знаете , и слезы преспушенье :
 О братъ сожалѣшь не смѣешь нынѣ братъ.
 Еще жь одна мольба : вы слушали стократъ
 Спихи , лепучихъ думъ небрежныя созданья ,
 Разнообразныя , завѣщныя преданья
 Всей младости моей. Надежды и мечты
 И слезы и любовь , друзья , сіи листы
 Всю жизнь мою храняшь. У Авеля , у Фанни ² ,
 Молю , найдите ихъ! Цвинной музы дани
 Сберите ! Спрогій свѣшь , надменная молва
 Не будутъ вѣдашь ихъ. Увы , моя глава
 Безвременно падешь ! Мой незрѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній.
 Я скоро весь умру. Но , пѣнь мою любя ,
 Храните рукопись , о други , для себя!
 Когда гроза пройдетъ ; полною суевѣрной
 Сбирайтесь иногда чашашь мой свитокъ вѣрной ,
 И , долго слушая , скажите : эпо онъ!
 Вошь рѣчь его ! А я , забывъ могильный сонъ ,

Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упьюсь... и, можешь бышь, ушѣшень буду я
 Любовью. Можешь бышь, и Узница моя ³,
 Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимая, . . . »

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовію, поскокой
 Промчалась передъ нимъ. Красавицъ шомны очи
 И пѣсни и пиры и пламенные ночи,
 Все вмѣспѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и спиховъ журчанье излилось :

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни пѣнь,
 Свободу и друзей и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою злапую младоспѣ;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и спихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.

Когда жь, вакхальною превогой упомясь
 И новымъ пламенемъ незапно воспалась ,
 Я ушромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
 И находиль ее въ смященіи и гнѣвѣ ;
 Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ ,
 Мой проклиная вѣкъ , ушраченный въ пирахъ ,
 Она меня гнала , бранила и прощала :
 Какъ сладко жизнь моя лилась и упекала !
 Зачѣмъ опъ жизни сей , лѣнливой и проспой ,
 Я кинулся шуда , гдѣ ужась роковой ,
 Гдѣ стпраси дикія , гдѣ буйныя невѣжды
 И злоба и корысть ! Куда , мои надежды ,
 Вы завлекли меня ! Чшо дѣлать было мнѣ ,
 Мнѣ , вѣрному любви , спихамъ и шипинѣ ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами !
 Мнѣ ль было управлять шропшивыми конями
 И крушо напрягать безсильныя бразды ?
 И чшо жь оспавлю я ? Забышыя слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничпшной.
 Погибни , голось мой ! И ты , о призракъ ложной ,
 Ты , слово , звукъ пустой . . .

« О нѣшь !

Умолкни , ропощъ малодушной !

Гордись и радуйся, поэтъ!
 Ты не поникъ главою послушной
 Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ :
 Ты презрѣль мощнаго злодѣя.
 Твои свѣшочь, грозно пламенѣя,
 Жестокимъ блескомъ озарилъ
 Совѣтъ правителей безславныхъ 4;
 Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ

 Твой стихъ свисалъ по ихъ главамъ ;
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду ;
 Ты пѣлъ Марашовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и дѣву-эвмениду!
 Когда свяшый спарикъ ошь плахи опрываль
 Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой :
 Ты смѣю имъ обоимъ руку далъ ,
 И передъ вами шрепсаль
 Ареопагъ остервенѣлой.
 Гордись , гордись , пѣвецъ ! А ты , свирѣшый звѣрь ,
 Моей главою играй шеперь !
 Она въ швоихъ когшяхъ. Но слушай, знай, безбожшый:
 Мой крикъ , мой ярый смѣхъ преслѣдуешь шебя!
 Пей нашу кровь , живи , губя:
 Ты все пигмей, пигмей ничшожшый.

И часъ придетъ . . . и онъ ужь недалёкъ:
 Падешь , пирань ! Негодование
 Воспрянешь наконецъ . Опечесства рыданье
 Разбудишь упомленный рокъ .
 Теперь иду . . . пора . . . но ты спулай за мною !
 Я жду тебя . »

Такъ тѣль воспорженный поэтъ .
 И все покоилось . Лампады пихій свѣтъ
 Блѣднѣль предъ упренней зарёю ,
 И упрю вѣяло въ темницу . И поэтъ
 Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры . . .
 Вдругъ шумъ . Пришли , зовутъ . Они ! Надежды нѣтъ !
 Звучашъ ключи , замки , запоры .
 Зовутъ . . . Постой , постой ! День только , день одинъ :
 И казней нѣтъ , и всѣмъ свобода ,
 И живъ великій гражданинъ
 Среди великаго народа 5 .
 Не слышатъ . Шесипвіе безмолвно . Ждетъ палачъ .
 Но дружба смершный пушъ поэта очаруетъ 6 .
 Вошь плаха . Онъ взошелъ . Онъ славу именуешь 7 . . .
 Плачь , муза , плачь ! . . .

* *

Р А З Н Ы Я

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

І.

К Ъ О В И Д І Ю.

Овидій! Я живу близъ шихихъ береговъ,
Копорымъ изгнанныхъ опеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принеся и пепель свой оставилъ.
Твой безопрадный плачь мѣша сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще швоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моему воображенію
Пустыню мрачную, поэша зашоченье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И крапкой шеплошой согрѣшые луга.
Какъ часто, увлеченъ унымыхъ спрунъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за шобою!
Я видѣлъ швои корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждешъ шѣвца любви жесшокая награда:
Тамъ нивы безъ шѣнецъ, холмы безъ винограда;

Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны ,
 Тамъ холодной Скиѣи свирѣпые сыны ,
 За Испромъ ушаясь , добычи ожидающъ ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ .
 Преграды нѣшь для нихъ : въ волнахъ они плывущъ
 И по льду звучному безпрепешно идущъ .
 Ты самъ (дивись , Назонъ , дивись судьбѣ превратной !
 Ты , съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рапной ,
 Привыкнулъ розами вѣнчать свои вѣсы
 И въ нѣгѣ провождашь безпечные часы .) ,
 Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой ,
 И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой .
 Ни дочь , ни жена , ни вѣрный сонмъ друзей ,
 Ни музы , легкія подруги прежнихъ дней ,
 Изгнаннаго пѣвца не уладяшь печали .
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали ,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть :
 Ни слава , ни лѣта , ни жалобы , ни грусть ,
 Ни пѣсни робкія Октавія не пронуть ;
 Дни старости твоей въ забвеніи попонуютъ .
 Златой Ипаліи роскошный гражданинъ ,
 Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь ;
 Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь :

« О возвратите мнѣ священный градъ опцовъ
И пни мирныя наслѣдственныхъ садовъ !
О други ! Августу мольбы мои несите !
Карающую длань слезами отклоните !
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ ,
И вѣкъ мнѣ не выдашь шебя , великій Римъ ;
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной ,
Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной ! »
Чье сердце хладное , презрѣвшее харить ,
Твое уныніе и слезы укорить ?
Кто въ грубой гордости прочтеть безъ умиленья
Сіи элегіи , послѣднія шворенья ,
Гдѣ ты свой щепетный спонъ пономспву передашь ?

Суровый Славянинъ , я слезъ не проливалъ ,
Но понимаю ихъ . Изгнанникъ самовольный ,
И свѣшомъ и собой и жизнью недовольный ,
Съ душой задумчивой , я нынѣ пошѣшилъ
Спрану , гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ .
Здѣсь , ожививъ шобой мечты воображенья ,
Я повторилъ швои , Овидій , пѣснопѣнья ,
И ихъ печальныя каршины повѣрляю ;
Но взоръ обманушимъ мечпаньямъ измѣняю .

Изгнаніе швое плѣняло впайнѣ очи ,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣшнлся небесная лазурь ;
Здѣсь крашко царшвуешь жестокость зимнихъ бурь.
На скиѣскихъ берегахъ переселенець новый ,
Сынъ юга, виноградъ блиспаешъ нурпуровый.
Ужь пасмурный декабрь на рускіе луга
Слоями разспилалъ пушистые снѣга ;
Зима дышала шамъ : а съ вешней шеплошою
Здѣсь солнце ясное кашилось надо мною ;
Младою зеленью песпрѣль увядшіи лугъ ;
Свободныя поля взрывалъ ужь ранній плугъ ;
Чушь вѣяль вѣшерокъ, подь вечеръ холодѣя ;
Едва прозрачный ледъ , надь озеромъ шускнѣя ,
Криспалломъ покрывалъ недвижныя спруи.
Я вспомнилъ опышы несмѣлые швои ,
Сей день , замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ ,
Когда шы въ первый разъ ввѣрляль съ недоумьньемъ
Шаги свои волнамъ , окованнымъ зимой :
И по льду новому , казалось , предо мной
Скользила шѣнь швоя , и жалобные звуки
Неслися издали , какъ помный спонъ разлуки.
Упшшься : не увяль Овидіевъ вѣнецъ !
Увы , среди шолпы зашерянный пѣвецъ ,

Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній :
И, жертва шемная, умрешь мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минушною молвой! . . .
Но если, обо мнѣ попомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искашь въ схранѣ сей опдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной :
Бреговъ забвенія оспавя хладну сѣнь ,
Къ нему слешить моя признательная шѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да! сохранишся же завѣшное преданье :
Какъ шы, враждующей покорствуя судьбѣ ,
Не славой , учаспью я равень былъ шебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пущыни оглашая ,
Скишался я въ шѣ дни , какъ на берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ :
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ ;
Но чуждые холмы , поля и рощи сонны
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

II.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ , въ глухихъ дубровахъ ,
Спасался нѣкогда монахъ ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ ,
Въ постѣ , моливѣ и трудахъ .
Уже лопашкою смиренной
Себѣ могилу спарець рыль ,
И лишь о смерти вождельнной
Свяшыхъ угодниковъ молилъ .

Однажды лѣпомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу .
Дубравы дѣлались чернѣй ;
Туманъ надъ озеромъ дымился ,
И красный мѣсяць въ облакахъ
Тихонько по небу капился .
На воды спалъ глядѣшь монахъ .

Глядишь, невольно спреха полный;
Не можешь самъ себя понятьъ...
И видишь : закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опятьъ...
И вдругъ.... легка, какъ пѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходишь женщина нагая,
И молча съѣла у береговъ.

Глядишь на стараго монаха
И чешешь влажные власы.
Свяшой монахъ дрожишь со спреха
И смотришь на ея красы.
Она манишь его рукою,
Киваетъ быспро головой...
И вдругъ падучею звѣздой
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой
И не молился цѣлый день:

Передъ собой съ невольной думой
Все видѣль чудной дѣвы шѣнь.
Дубравы вновь одѣлись шмою ;
Пошла по облакамъ луна ,
И снова дѣва надъ водою
Сидишь , прелестна и блѣдна.

Глядишь , киваешь головою ,
Цѣлуешь издали шупя ,
Играешь , плещешься волною ,
Хохочешь , плачешь , какъ дитя ,
Зовешь монаха , нѣжно спонешь . . .
« Монахъ , монахъ ! Ко мнѣ , ко мнѣ ! . . . »
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ спонешь :
И все въ глубокой тишинѣ .

На шпретій день опшелъникъ спрасшной
Близъ очарованныхъ береговъ
Сидѣль и дѣвы ждалъ прекрасной ,
А шѣнь ложилась средь дубровъ . . .

Заря прогнала шму ночную:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду съдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

III.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ шайнспвенномъ молчаньи :
Холмъ одѣлся темной ;
Ходишь въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу : лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой шишинѣ ;
Лишь порою звонъ унылой ,
Будто лѣни голосъ милой ,
Въ мершвой слышишь спрунѣ.
Вижу : горлица на лирѣ ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ . . .
Други , здѣсь почишь въ мирѣ
Сладоспращія мудрецъ .
Посмотрите : на порфирѣ
Оживиль его рѣзецъ !
Здѣсь онъ въ зеркало глядится ,
Говоря : я съдъ и спарь ,
Жизнью дайше жъ на сладисься ;
Жизнь , увы , невѣчный дарь !
Здѣсь , поднявъ на лиру длани

И нахмуря важно бровь ,
 Хочешь пѣшь онъ бога брани ,
 Но поешь одну любовь .
 Здѣсь гошовишься природѣ
 Долгъ послѣдній заплашишь :
 Сшарець пляшетъ въ хороводѣ ,
 Жажду просишь ушопишь .
 Вкругъ любовника сѣдаго
 Дѣвы скачупъ и поюпъ ;
 Онъ у времени скупаго
 Крадешъ нѣсколько минушъ .
 Вошъ и музы и харишы
 Въ гробъ любимца увели :
 Плющемъ , розами увишы
 Игры вслѣдъ за нимъ пошли . . .
 Онъ исчезъ , какъ наслажденье ,
 Какъ веселый сонъ любви .
 Смершный , вѣкъ швой привидѣнье :
 Щастье рѣзвое лови !
 Наслаждайся , наслаждайся !
 Чаще кубокъ наливай !
 Спрашью пылкой ушомляйся ,
 А за чашей ошдыхай !

IV.

Ч Е Р Н А Я Ш А Л Ь.

Гляжу какъ безумный на черную шаль :
И хладную душу шерзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ ,
Гречанку младую я спрасшно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня ;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей :
Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей.

Съ побою пируюшь (шепнуль онъ) друзья;
Тебѣ жь измѣнила Гречанка шволя.

Я даль ему злѣша и прокляль его ,
И вѣрнаго позваль раба моего.

Мы вышли: я мчался на борзомъ конѣ;
И крошкая жалосшь молчала во мнѣ.

Едва я завидѣль Гречанки порогы...
Глаза пошемнѣли; я весь изнсмогы.

Вхожу въ опдаленный покой я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзаль Армянинъ.

Не взвидѣль я свѣта: булѣшь загремѣль...
Прервашь поцѣлуй злодѣй не успѣль.

**

Безглавое шло я долго шопшаль,
И молча на дѣву блѣднѣя взираль.

Я помню моленья . . . пекущую кровь :
Погибла Гречанка , погибла любовь.

Съ главы ея мершвой снявъ черную шаль ,
Оперь я безмолвно кровавую спаль.

Мой рабъ , какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросиль шѣла.

Съ шѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей ,
Съ шѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль :
И Хладную душу шерзаешь печаль.

V.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неисповые клики?

Кого, куда зовушь и бубны и шимпань?

Что значашь радостные лики

И пѣсни поселянь?

Въ ихъ кругѣ свѣшлая свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа...

Онъ приближается... Вошь онъ, вошь сильный богъ!

Вошь Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вошь онъ, вошь Индіи герой!

О радость! Полныя побой

Дрожащъ, гошovy грянушь спруны

Нелицемерною хвалою,

Эванъ, эвое! Дайте чаши,

Несите свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ ширсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вопь онъ , вопь Вакхъ ! О часъ оправднй !
Державный пирсь въ его рукахъ ;
Вънецъ желтѣешь виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ . . .
Течешь . Его молодые шигры
Съ покорной яростью влекушь ;
Кругомъ лепяшь эрошы , игры ,
И гимны въ честь ему поюшь .
За нимъ шѣснишя козлоногій
И фавновъ и сапировъ рой ;
Плющемъ опушаны ихъ ноги ;
Бѣгушь смяшенную полпой
Во слѣдъ за быстрой колесницей ;
Кшо съ проспниковою цѣвницей ,
Кшо съ вѣрной кружкой своей ;
Тошь оштупившись упадаешь
И бархатный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаешь
При дикомъ хохощѣ друзей .
Тамъ далѣ вижу дивный ходъ :
Звучашъ веселые шимпаны ;
Младья нимфы и сильваны ,
Соспавя шумный хороводъ ,
Несушь недвижнаго Сплену . . .

Вино струится, брызжеть пѣна,
 И розы сыплются кругомъ;
 Несушь за спящимъ спарикомъ
 И ширсъ, символъ побѣднй мира,
 И кубокъ, пляжкой золошой,
 Подарокъ Вакха дорогой.

Но воешь берегъ ошдаленный.
 Власы раскинувъ по плечамъ,
 Вѣнчанны гроздьемъ, обнажены,
 Бѣгушь Вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
 Гремятъ и вшорятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
 Промчались, лешятъ, свивающся руками,
 Волшебной пляской полчущъ лугъ:
 И младоспъ пылкая шолпами
 Спекаешся вокругъ.

Поюшь неисповыя дѣвы;
 Ихъ сладострасшныя нащѣвы
 Въ сердца вливающъ жаръ любви;
 Ихъ перси дышашъ вождельньемъ;
 Ихъ очи, полныя безумспвомъ и шомленьемъ,
 Сказали: щасшіе лови!

Ихъ вдохновенныя движенья
 Сперва изображаюшь намъ
 Спыдливосшь милаго смяшенья,
 Желанье робкое, а шамъ
 Воспоргъ и дерзосшь наслажденья.

Но вошь разсыпались по холмамъ и полямъ;
 Махая ширсами, несущся;
 Ужь издали ихъ вопли раздающся,
 И гуль имъ вפורишь по лѣсамъ:
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, опважныя бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
 Забвенью бросимъ суешы!
 Теки, вино, спруею пѣнной
 Въ честь Вакха, музъ и красопы!
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, опважныя бойцы!

VI.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принеси я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ швой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропишь росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключь опрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ былъ!...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я швой мраморъ вопрошала:
Хвалу спранѣ прочель я дальшой;
Но о Маріи шы молчала!...

Свѣшило блѣдное гарема!
И здѣсь уже ль забвенно пы?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечпы?

Иль только сонъ воображенья
Въ пуспынной мглѣ нарисоваль
Свои минушныя видѣнья,
Души неясный идеаль?

VII.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Ошмспишь неразумнымъ Хозарамъ :
Ихъ села и нивы , за буйный набѣгъ ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ .
Съ дружиной своей , въ цареградской бронѣ ,
Князь по полю ѣдешъ на вѣрномъ конѣ .

Изъ темнаго лѣса , на встрѣчу ему ,
Идешъ вдохновенный кудесникъ ;
Покорный Перуну шарикъ одному ,
Завѣшовъ грядущаго вѣшникъ ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеншій весь вѣкъ ,
И къ мудрому шарцу подѣхаль Олегъ .

Скажи мнѣ , кудесникъ , любимецъ боговъ ,
Что сбудется въ жизни со мною ?
И скоро ль , на радость сосѣдей-враговъ ,
Могильной засыплюсь землёю ?
Открой мнѣ всю правду , не бойся меня !
Въ награду любого возмешь ты коня .

Волхвы не бояшя могучихъ владыкъ ,
А княжескій даръ имъ ненужень ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ ,
И съ волей небесною дружень .
« Грядущіе годы шаяшя во мглѣ ;
Но вижу швой жребій на свѣшломъ челѣ .

Запомни же нынѣ ты слово мое !
Воишелю слава ошрада :
Побѣдой прославлено имя швое ;
Твой щипъ на врапахъ Цареграда ;
И волны и суша покорны шебѣ ;
Завидуешь недругъ ешоль дивной судьбѣ .

И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды
И пращъ и стрѣла и лукавый кинжалъ
Щадящъ побѣдителя годы . . .
Подъ грозной броней шы не вѣдаешь ранъ :
Незримый хранишель могущему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ шрудовъ ;
Онъ , чуя господскую волю ,
То смиренный споишь подъ стрѣлами враговъ ,
То мчишься по бранному полю ,
И холодъ и сѣча ему ничего :
Но примешь шы смершь отъ коня своего. »

Олегъ усмѣхнулся ; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи , рукой опершись на сѣдло ,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой ;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладишь и шреплешь по шеѣ крушой.

« Прощай, мой поварищъ, мой вѣрный слуга!
Разспашься настало намъ время:
Теперь опдыхай! Ужь не спушишь нога
Въ швое позлащенное спремя.
Прощай, ушѣшайся, да помни меня!
Вы, опроки - други, возьмите коня!

Покройше попоной, мохнашымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ усшцы опведите;
Купайше, кормите опборнымъ зерномъ;
Водой ключевою поите! »
И опроки пошчасъ съ конемъ опошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируешъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При зvonѣ веселомъ спакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ ушренный снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминають минувшіе дни
И бишвы, гдѣ вмѣспѣ рубились они.

« А гдѣ мой поварищъ , промолвилъ Олегъ ,
 Скажише , гдѣ конь мой решивый ?
 Здоровъ ли ? Все шакже ль лежокъ его бѣгъ ?
 Все шопъ же ль онъ бурный , игривый ? »
 И внемлющъ ошвѣпу : на холмѣ крушомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ .

Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаетъ : « чшо же гаданье ?
 Кудесникъ , шы лживый , безумный спарикъ !
 Презрѣшь бы швое предсказанье !
 Мой конь и донинѣ носилъ бы меня . »
 И хочешъ увидѣшь онъ косши коня .

Вошь ѣдешъ могучій Олегъ со двора ,
 Съ нимъ Игорь и спарые госши ,
 И видящъ : на холмѣ , у брега Днѣпра ,
 Лежашъ благородныя косши ;
 Ихъ моющъ дожди , засышаетъ ихъ пыль ,
 И вѣшеръ волнуешъ надъ ними ковыль .

Князь шихо на черепъ коня наспуилъ
И молвилъ: « спи , другъ одинокой !
Твой спарый хозяинъ шебя пережилъ :
На признѣ , уже недалекой ,
Не пы подѣ съкирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь !

Такъ вопшь , гдѣ шайлась погибель моя !
Мнѣ смершю косшь угрожала ! »
Изь мершвой главы гробовая змiя
Шипя между шѣмъ выползала ;
Какъ черная ленша вокругъ ногъ обвилась :
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые зашѣнясь шипяшъ
На признѣ плачевной Олега :
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидяшъ ;
Дружина пируешъ у берега ;
Бойцы поминаюшъ минушiе дни
И бишвы , гдѣ вмѣспѣ рубились они.

VIII.

П Ъ В Е Ц Ъ .

Слы́хали ль вы за ро́щей гласъ ночно́й
 Пѣвца любви , пѣвца своей печали ?
 Когда поля въ часъ ушренній молчали ,
 Свирѣли звукъ унылый и проспой
 Слы́хали ль вы ?

Вспрѣчали ль вы въ пустынной тмѣ лѣсной
 Пѣвца любви , пѣвца своей печали ?
 Слѣды ли слезъ , улыбку ль замѣчали ,
 Иль тихій взоръ , исполненный поско́й ?
 Вспрѣчали ль вы ?

Вздохнули ль вы , внимая тихой гласъ
 Пѣвца любви , пѣвца своей печали ?
 Когда въ лѣсахъ вы юношу видали ;
 Вспрѣчая взоръ его попухшихъ глазъ ,
 Вздохнули ль вы ?

IX.

АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вась новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Сльпаго мальчика съ повязкой?
Сльпаго? . . . Вопь? Помилуй, Фебь!
Амурь совсѣмь, друзья, не сльпъ:
Но шалуну пришла жь охота,
Чшобь, людямь на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведешь Эроша:
Но вдругь, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую запѣю:
Повязку съ милыхъ снявь очей,
Идешь проказникъ къ Гименею . . .
А чшо шакое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчишь и дремлешь цѣлый вѣкъ,
А впрочемь добрый человекъ,

Да нравъ имѣеть онъ ревнивый.
 Огнь ревности печальный богъ
 Спокойно подремашь не могъ ;
 Все шрусилъ маленькаго брата,
 За нимъ подсмащивалъ шайкомъ ,
 И караулил супоспаха
 Съ своимъ докучнымъ фонарёмъ.
 Вошь мальчикъ мой къ нему подходилъ
 И рѣчь коварную заводилъ :
 « Развеселися , Гименей !
 « Ну, помиримся , будь умнѣй !
 « Забудь, шоварищъ мой любезный,
 « Раздоръ смѣшный и бесполезный !
 « Да только навсегда , смотри !
 « Возми жь повязку въ память , милый ,
 « А мнѣ фонарь свой подари ! »
 И что жь ? Повѣрилъ богъ унылый.
 Амуръ огнь радости прыгнулъ ,
 И на глаза со всей онъ силы
 Обнову брату зашянулъ.
 Гимена скучные дозоры
 Съ шѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ ;
 Его завистливые взоры
 Теперь не страшны красотамъ ;

* *

Спокоенъ онъ , но брагъ коварный ,
Шупя надъ чешью и надъ нимъ ,
Войну ведешъ неблагодарный
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ .
Лишь сонъ на смертныхъ налепашъ ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаешъ ,
И самъ щасливца провожаешъ
Къ уснувшему супругу въ домъ ;
Самъ ошъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняешъ пайну дверь . . .
Пойми меня , мой другъ Елена ,
И мудрой повѣспи повѣрь !

X.

Р А З Л У К А.

Въ послѣдній разъ , въ сѣни уединенья,
Моимъ спихамъ внимаеть нашъ пенашъ.

Лицейской жизни милый брашъ,
Дѣлю съ побой послѣднія мгновенья.

Прошли лѣша соединенья;
Разорванъ онъ , нашъ вѣрный кругъ.

Прости! Хранимый небомъ ,
Не разлучайся , милый другъ ,
Съ свободою и Фебомъ!

Узнай любовь , невѣдомую мнѣ ,
Любовь надеждъ , воспорговъ , упоенья:
И дни швои полешомъ сновидѣнья
Да пролешашъ въ щасливой пишинѣ!

Прости! Гдѣ бы ни былъ я: въ огнѣ ли смертной бишвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому брашшву вѣренъ я.

И пусть (услышитъ ли судьба мой молишвы?)
Пусть будущъ щасливы всѣ , всѣ швои друзья!

XI.

А Д Е Л И.

Играй, Адель,
Не знай печали!
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Чась упоенья
Лови, лови!
Младья лѣша
Ошдай любви,
И въ шумѣ свѣша
Люби, Адель,
Мою свирѣль!

XII.

В И Н О Г Р А Д Ъ,

Н^Е спану я жалѣшь о розахъ ,
Увядшихъ съ легкою весной ;
Мнѣ миль и виноградъ , на лозахъ
Въ киспяхъ созрѣвшій подъ горой ,
Краса моеѣ долины злачной ,
Опрада осени злапой ,
Продолговашый и прозрачной ,
Какъ персшы дѣвы молодой.

XIII.

СТАНСЫ Т — МУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младоспи глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милья забавы свѣта
На грусть и скуку промѣняль,
И на лампаду Эпикпеша
Злашый Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И бесполезныхъ размышленій.

Зевесь , балуя смертныхъ чадъ
Всѣмъ возрастамаъ даешь игрушки :
Надъ сѣдинами не гремяшь
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ , младость не приходишь вновь!
Зови же сладкое бездѣлье 8
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей ,
Живи безпечень , равнодушень !
Мгновенью жизни будь послушень ,
Будь молодъ въ юности швоей!

XIV.

У Е Д И Н Е Н І Е.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
 Пріюпъ спокойствія, прудовъ и вдохновенья,
 Гдѣ льешься дней моихъ невидимый попокъ

На лонѣ счастья и забвенья!

Я швой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
 Роскошные пиры, забавы, заблужденья
 На мирный шумъ дубровъ, на шишину полей,
 На праздность вольную, подругу размыщленья.

Я швой: люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами,
 Сей лугъ, усаженный душистыми скирдами,
 Гдѣ свѣшлые ручьи въ кустарникахъ шумяшь.
 Вездѣ передо мной подвижныя картины:
 Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
 Гдѣ парусъ рыбаля бѣлѣшь иногда,
 За ними рядъ холмовъ и нивы полосапы,
 Вдали разсыпанныя хапы,
 На влажныхъ берегахъ бродящія спада,
 Овины дымные и мѣльницы крылапы;
 Вездѣ слѣды довольства и шруда.

Я здѣсь , отъ суетныхъ оковъ освобожденной ,
 Учуся въ истинѣ блаженство находить ,
 Свободною душой законъ богошворишь ,
 Ропшанью не внимаешь толпы непросвѣщенной ,
 Участьемъ ошвѣчаешь заспѣнчивой мольбѣ

И не завидовать судьбѣ

Злодѣя , иль глушца , въ величїи неправомъ.

Оракулы вѣковъ , здѣсь вопрошаю васъ !

Въ уединенїи величавомъ

Слышите вашъ оспрадный гласъ ;

Онъ гонишь лѣни сонъ угрюмый ,

Къ прудамъ раждаетъ жарь во мнѣ ,

И ваши шворческія думы

Въ душевной зрѣюшь глубинѣ.

.

XV.

ПРОЗЕРПИНА.

Плещуть волны Флегетона,
Своды шаршара дрожатъ :
Кони блѣднаго Плупона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ айда бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Попекла пушемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льспишь измѣна :
Прозерпинѣ смершнѣй миль.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зовепъ,
Обняла, и колесница
Ужь къ айду ихъ несепъ :
Мчатся, облакомъ одѣшы ;
Видяшь вѣчные луга,
Элизей и помной Лешы

Усыпленные брета.
 Тамъ безсмершье , шамъ забвенье ,
 Тамъ ушѣхамъ нѣшь конца.
 Прозерпина въ упоеньѣ ,
 Безъ порфиры и вѣнца ,
 Повинуешся желаньямъ ,
 Предаешъ его лобзаньямъ
 Сокровенныя красы ,
 Въ сладостраспной нѣгѣ понешъ
 И молчишь и шомно спонешъ...
 Но бѣгушь любви часы ;
 Плещушь волны Флегешона ,
 Своды шаршара дрожащъ :
 Кони блѣднаго Плушона
 Быспро мчащъ его назадъ.
 И Кереры дочь уходишь ,
 И счаспливца за собой
 Изъ элизія выводишь
 Пошаенною тропой ;
 И счаспливецъ опираешъ
 Оспорожною рукой
 Дверь , ошкуда вылетаешъ
 Сновидѣнній ложный рой.

XVI.

Д О М О В О М У.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
 Тебя молю, мой добрый домовой,
 Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
 И скромную семьи моей обитель!
 Да не вредяшь полямъ опасный хладъ дождя
 И въпра позняго осенніе набѣги;
 Да въ пору благошворны снѣги
 Покроюшь влажный шукъ полей!
 Останься пайный спражь въ наслѣдшвенной сѣни,
 Поспигни робосью полуночнаго вора
 И ошь недружескаго взора
 Счастливымъ домикъ охрани!
 Ходи вокругъ него заботливимъ дозоромъ,
 Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ
 И сей укромный огородъ
 Съ калишкой вешхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
 Люби зеленый скашь холмовъ,
 Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
 Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
 Они знакомы вдохновенью.

XVII.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнуль веселія гласъ ?
 Раздай песь , вакхальны припъвы !
 Да здравспвуюшь нѣжныя дѣвы
 И юныя жены , любившія насъ !
 Полнѣ спаканъ наливайше !
 На звонкое дно
 Въ густое вино
 Завѣшныя кольца бросайше !

Подвинемъ спаканы , содвинемъ ихъ разомъ !
 Да здравспвуюшь музы , да здравспвуетъ разумъ !
 Ты , солнце свяшое , гори !
 Какъ эша лампада блѣднѣешь
 Предъ яснымъ восходомъ зари ,
 Такъ ложная мудрость мерцаешь и плѣешь
 Предъ солнцемъ безсмершнымъ ума .
 Да здравспвуетъ солнце , да скроешя шма !

XVIII.

ВЪ АЛБОМЪ.

Если жизнь тебя обманешь ;
Не печалься , не сердись !
Въ день унынія смирись !
День веселья , вѣрь , наспанешь .

Сердце въ будущемъ живешь ;
Наспоящее уныло :
Все мгновенно , все пройдешь ;
Что пройдешь , то будешь мило .

XIX.

Д Р У З Ь Я М Ъ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня,
Когда вы, други, опличили
Почешной чашею меня.

Чесплюбивой позолопой
Не ослѣпля нашихъ глазъ,
Она не суешной рабошой,
Не рѣзбою плѣняла насъ,

Но тѣмъ однимъ лишь опличалась,
Что, жажду скиескую поя,
Бушылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пиль, и думою сердечной
Во дни минувшіе лешаль,
И горе жизни скорошечной
И сны любви воспоминаль.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

XX.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты капишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропоть заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ своимъ
Бродилъ я тихій и шуманный,
Завѣшнымъ умысломъ помимъ!

* * *

Какъ я любилъ швои опзывы ,
Глухіе звуки , бездны гласъ
И пишину въ вечерній часъ
И своенравные порывы !

Смиранный парусъ рыбарей ,
Твоею прихощью хранимый ,
Скользипъ безопасно средъ зыбей :
Но шы възгралъ , неодолимый ;
И спая шонешъ кораблей .

Не удалось навѣкъ оставипъ
Мнѣ скучный , неподвижный брегъ ,
Тебя воспоргами поздравипъ
И по хребшамъ швоимъ направипъ
Мой поэшическій побѣгъ .

Ты ждалъ , шы звалъ . . . я былъ окованъ ;
Вошще рвалась душа моя :
Могучей спрасшью очарованъ ,
У береговъ осшался я .

О чемъ жалѣшь? Куда бы нынѣ
 Я пушь опважный успремилъ?
 Одинъ предмешъ въ швоей пушынѣ
 Мою бы душу поразилъ,

Одна скала, гробница славы...
 Тамъ погружались въ хладный сонъ
 Воспоминанья величавы:
 Тамъ угасаль Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
 И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
 Другій опъ насъ умчался геній,
 Другій власшишель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
 Оспавя міру свой вѣнецъ.
 Шуми, взволнуйся непогодой:
 Онъ былъ, о море, швой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означень ,
 Онъ духомъ созданъ былъ пвоимъ :
 Какъ ты , могущь , глубокъ и мрачень ,
 Какъ ты , ничѣмъ неукрошимъ .

Міръ опустѣлъ . . . Теперь куда же
 Меня бь ты вынесь , океанъ ?

.

Прощай же , море ! Не забуду
 Твоей поржественной красы ,
 И долго , долго слышать буду
 Твой гулъ въ вечерніе часы .

Въ лѣса , въ пустыни молчаливы
 Перенесу , шобою полнь ,
 Твои скалы , швои заливы
 И блескъ и шѣнь и говоръ волнь .

XXI.

Д Е М О Н Ъ .

Въ шѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бышїя :
И взоры дѣвъ , и шумъ дубровы ,
И ночью пѣнье соловья ;
Когда возвышенныя чувства ,
Свобода , слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь :
Часы надеждъ и наслажденїй
Тоской внезапной осыня ,
Тогда какой-то злобный генїй
Спаль шайно навѣщашь меня.
Печальны были наши встрѣчи :
Его улыбка , чудный взглядъ ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ .
Неиспощимый клеветною ,
Онъ провидѣнье искушалъ ;
Онъ звалъ прекрасное мечшою ;
Онъ вдохновенье презиралъ ;

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословишь онъ не хошѣлъ.

XXII.

ПОДРАЖАНІЕ ТУРЕЦКОЙ ПѢСНѢ.

О дѣва-роза , я въ оковахъ ;
Но не спыжусь швоихъ оковъ :
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ ,
Пернашый царь лѣсныхъ пѣвцовъ ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладоспной живешъ
И нѣжно пѣсни ей поешъ
Во мракѣ ночи сладоспраспной.

XXIII.

ТЪЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Тълега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везешь, не слезешь съ облучка.

Съ утра садимся мы въ шълегу,
Мы погоняемъ съ ямщикомъ
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: валяй по всѣмъ по трѣмъ!

Но въ полдень нѣшь ужь шой опваги;
Поразпрясло насъ; намъ спрашнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: попише, дуралей!

Кашишь попережнему шълега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
И время гонишь лошадей.

XXIV.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человекъ.
Въ неволѣ мрачной закашился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ власпишель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже попомсшво насшаешь.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будешь полнь,
Пріосъненъ швоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнь!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ швой прахъ лежишь,
Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горишь.

Давно ль орлы швои летали
 Надъ обезславленной землѣй ?
 Давно ли царства упадали
 При громахъ силы роковой ?
 Послушны волю своенравной ,
 Бѣдой шумѣли знамена,
 И налагалъ яремъ державной
 Ты на земныя племена.

.

И Франція , добыча славы ,
 Пльненнѣй успремила взоръ ,
 Забывъ надежды величавы ,
 На свой блисшашельный позоръ.
 Ты вель мечи на пиръ обильный ;
 Все пало съ шумомъ предъ побой :
 Европа гибла ; сонъ могильный
 Носился надъ ея главой.

.

Надменный, кто тебя подвигнул?
 Кто обуял швой дивный ум?
 Как сердца Руских не постигнул
 Ты съ высоты опважных дум?
 Великодушнаго пожара
 Не предузнавъ, ужь пы мечпалъ,
 Чшо мира вновь мы ждемъ какъ дара;
 Но поздно Рускихъ разгадалъ. . . .

Россія, бранная царица!
 Воспомни древнія права!

 Пылай, великая Москва!
 Наспали времена другія:
 Исчезни крапкѣй нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россія!
 Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцъпенѣлыми руками
 Схвашивъ желѣзный свой вѣнецъ,
 Онъ бездну видишь предъ очами,
 Онъ гибнешь, гибнешь наконецъ.

Бѣжашъ Европы ополченья ;
 Окровавленные снѣга
 Провозгласили ихъ паденье,
 И шаешъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло ;
 Европа свой распоргла плѣнь ;
 Въ слѣдъ ширану полешѣло ,
 Какъ громъ , проклятіе племень.
 И дмань народной Немезиды
 Подъяшу видишь великанъ :
 И до послѣдней всѣ обиды
 Опплачены тебѣ , ширанъ !

Изкуплены его спяжанья ,
 И зло воиншвенныхъ чудесь
 Тоскою душнаго изгнанья
 Подъ сѣнью чуждою небесь.
 И знойный оспровъ започенья
 Полнощный парусъ посьшишь ,
 И пушникъ слово примиренья
 На ономъ камнѣ начершишь ,

Гдѣ , успрямивъ на волны очи ,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей
И льдиспый ужась полуночи
И небо Франціи своей ;
Гдѣ иногда , въ своей пустынь
Забывъ войну , попомство , пронь ,
Одинъ , одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думаль онъ.

Да будеть омраченъ позоромъ
Топъ малодушный , кшо въ сей день
Безумнымъ возмушипъ укоромъ
Его развѣнчанную шѣнь !
Хвала ! . . . Онъ рускому народу
Высокій жребій указаль
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль.

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

ВРАГИ МОИ , покамѣспъ я ни слова...
И, кажется, мой быспрый гнѣвъ угасъ:
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго.
Не избѣжашъ пронзительныхъ когшей,
Какъ налечу нежданный , беспощадный :
Такъ въ облакахъ кружишя яспребъ жадный
И спорожишь индѣекъ и гусей.

★★

II.

Охошникъ до журнальной драки ,
Сей усыпишельный Зоиль
Разводишь опиумъ чернилъ
Слюнею бѣшеной собаки.

III.

У Кларисы денегъ мало ,
Ты богашъ ; иди къ вѣнцу :
И богашство ей приспало
И рога шебѣ къ лицу.

IV.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ : несносень Ѳирсь ученый ,
Педапшь надушый и мудреный :
Онъ важно судишь обо всѣмъ ,
Всего онъ знаешь понемногу .
Люблю тебя , сосѣдь Пахомъ :
Ты просто глупъ и слава Богу .

V.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей ;
Журнальный шухъ о нихъ сшашейку писнулъ,
И въ свѣсть пушилъ безъ подписи жь злодѣй.
Но что жь ? Ни мнѣ, ни площадному шушу
Не удалось прикрышь своихъ проказъ :
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минушу ,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

VI.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

МАРАЕТЬ онъ единымъ духомъ
Лиспъ ;
ВНИМАЕШЬ онъ привычнымъ ухомъ
Свиспъ ;
ПОПОМЪ всему шерзаетъ свѣшу
Слухъ ;
ПОПОМЪ печашаетъ : и въ Лешу
Бухъ !

VII.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ , кшо въ опдаленной сѣни,
Вдали взыскапельныхъ невѣждъ,
Дни дѣлишь межъ шрудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ ;
Кому судьба друзей послала,
Кшо скрышь , по милости Творца,
Ошь усыпишеля глушца ,
Ошь пробудишеля нахала !

VIII.

Л И Л Ъ.

Лила, Лила! Я страдаю
Безопрядную поско́й,
Я помлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила! Ты прекрасна
И безчувственной красой.

IX.

Р О З А.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дишя зари.
Не говори:
Такъ вянеть младость!
Не говори:
Вопь жизни радость!
Цвѣшку скажи:
Проси, жалю!
И на лилею
Намъ укажи!

X.

И М Я Н И Н Ы.

Умножайте шумъ и радость;
Пойше пѣсни въ добрый часъ :
Дружба , грація и младосшь
Имянинницы у насъ.
Между шѣмъ дѣша крылашо,
Васъ привѣшпвуя, друзья,
Вшайнѣ думаешъ : когда-шо
Имянинникъ буду я ?

XI.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдешь вѣковъ зависливую даль,
И, внемля имъ, вздохнешь о славѣ младость,
Упѣшишься безмолвная печаль
И рѣзвая задумаешь радость.

XII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ***

Судьба свои дары явишь желала въ нёмъ,
Въ щасливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богашство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простиодушіе съ язвительной улыбкой.

XIII.

К. А. Б.

Что можемъ наскоро спихами молвишь ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумаешь не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумаешь, я скажу все поже.

XIV.

СТАРИКЪ.

Ужъ я не пошь любовникъ спрасной,
Кому дивился прежде свѣшь :
Моя весна и лѣшѣ красно
Навѣкъ прошли, пропадь и слѣдь.
Амурь, богъ возраста младаго!
Я швой служисель вѣрный былъ ;
Ахъ, если бѣ могъ родишься снова,
Ужъ шакъ ли бѣ я шебѣ служиль!

XV.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю вечерній пирь,
Гдѣ веселье председапель,
А свобода, мой кумирь,
За споломъ законодапель,
Гдѣ до упра слово пей
Заглушаеть крики пѣсень,
Гдѣ просторень кругъ госшей,
А кружокъ бушылокъ шѣсень.

XVI.

Хоть впрочемъ онъ поэшь изрядный,
Эмилій чловѣкъ *пустой*.

Да шы чѣмъ *полонъ* шупъ нарядный?

А, понимаю : самъ собой ;

Ты *полонъ* дряни, милый мой!

XVII.

ИНОСТРАНКЪ.

На языкъ , шебъ невняшномъ ,
Спихи прощальные пишу ;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья швоего прошу :
Мой другъ , доколъ не увяну ,
Въ разлукъ чувство погубя ,
Богшворишь не перешану
Тебя , мой другъ , одну шебя .
На чуждыя чершы взирая ,
Въръ шолько сердцу моему ,
Какъ прежде вѣрила ему ,
Его спрасшей не понимая .

* * .

XVIII.

Какъ брань себѣ не надоѣла!
Расчешь корошокъ мой съ шобой:
Ну, такъ, я праздень, я безъ дѣла;
А шы бездѣльникъ дѣловой.

XIX.

КЪ ***

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омрачѣнъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой оспымой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кшо разъ любилъ, ужь не полюбишь вновь;
Кшо счастье зналъ, ужь не узнаешь счастья.
На крашкѣй мигъ блаженство намъ дано:
Ошь юности, ошь нѣгъ и сладоспрасья
Останешся уныніе одно.

XX.

П Р И Я Т Е Л Ю .

Н^Е прип^Оворяйся , милый другъ ,
Соперникъ мой широкоплечій !
Тебѣ не спрашенъ лиры звукъ ,
Ни элегическія рѣчи .
Дай руку мнѣ : ты не ревнивъ ,
Я слишкомъ въпренъ и лѣнивъ ,
Твоя красавица не дура ;
Я вижу все и не сержусь :
Она прелестная Лаура ,
Да я въ Петрарки не гожусь .

XXI.

П Т И Ч К А.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родный обычай старины :
На волю пшичку выпускаю
При свѣшломъ праздникѣ весны.
Я спалъ досупень ушѣшенью ;
Зачто на Бога мнѣ ропшашь,
Когда хопь одному шворенью
Я могъ свободу даровать!

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.

М У З А.

Вь младенчествѣ моемъ она меня любила
И семисшовольную цѣвницу мнѣ вручила ;
Она внимала мнѣ съ улыбкой : и слегка
По звонкимъ скважинамъ пуспаго просника
Уже наигрываль я слабыми перстами
И гимны важные , внушенные богами ,
И пѣсни мирныя фригійскихъ паспуховъ.
Съ ушра до вечера въ нѣмой пѣни дубовъ
Прилѣжно я внималь урокамъ дѣвы пайной ;
И , радуя меня наградою случайной ,
Опкинувъ локоны ошь милаго чела ,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала :
Тросникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполняль свяшымъ очарованьемъ.

II.

Д О Р И Д Ъ.

Я вѣрю : я любимъ ; для сердца нужно вѣришь.
Нѣтъ, милая моя не можешь лицемѣришь ;
Все непришворно въ ней : желаній шомный жаръ ,
Сшydливосшь робкая , харишь безцѣнный даръ ,
Нарядовъ и рѣчей пріяшная небрежностшь
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжностшь.

III.

Рѣдѣтъ облаковъ лешучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребриль увядшія равнины
И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
Люблю швой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ:
Я помню швой возходъ, знакомое свѣшило,
Надъ мирною спраной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ спройны пополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлешь нѣжный миршъ и шемный кипарисъ
И сладосшно шумяшъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую дѣнь.

IV.

Ю Н О Ш А.

Щастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ :
Душою гордою и пылкой и незлобной ,
И первой младосши красой женоподобной.

V.

Н Е Р Е И Д А.

Среди зеленыхъ волнь, лобзающихъ Тавриду,
На ушренной зарѣ я видѣль Нереиду.
Сокрышый межъ деревь, едва я смѣль дохнушь:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ спруею выжимала.

VI.

Д І О Н Е Я .

Хромидъ въ шебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ пошупленный желаніемъ горишь
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лице свое хранишь.

VII.

Д О Р И Д А.

Въ Доридѣ нравяшся и локоны злашыя
И блѣдное лице и очи голубые.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Воспорги быстрые воспоргами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались;
Я шаялъ: но среди невѣрной шемношы
Другія милыя мнѣ видѣлись чершы,
И весь я полонъ былъ шаиншвенной печали
И имя чуждое уша мои шепшали.

VIII.

Д Ъ В А.

Я говорилъ тебѣ : спрашися дѣвы милой !
Я зналъ : она сердца влечешъ невольной силой .
Неоспорожный другъ , я зналъ : нельзя при ней
Иную замѣчашъ , иныхъ искашъ очей .
Надежду пошерявъ , забывъ измѣны сладосшь ,
Пылаешъ близъ нея задумчивая младосшь ;
Любимцы щасшя , наперсники судьбы
Смиренно ей несущъ влюбленные мольбы :
Но дѣва гордая ихъ чувшва ненавидишь
И , очи опустивъ , не внемлешъ и не видишь .

IX.

Н О Ч Ь.

Мой голосъ для себя и ласковый и шомной
Тревожишь позднее молчанье ночи шёмной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горишь; мои спихи, сливаясь и журча ,
Текушь, ручьи любви , шекушь полны шобою.
Во шмѣ швои глаза блиспають предо мною ,
Мнѣ улыбаюшся, и звуки слышу я :
Мой другъ, мой нѣжный другъ...люблю...швоя...швоя!...

**

X.

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдашь различныя примѣшы!
Пасхушь и земледѣль въ младенческія лѣшы,
Взглянувъ на небеса, на западную шънь,
Умѣюшь ужь предрѣчь и вѣспрь и ясный день
И майскіе дожди, молодыхъ полей ошраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ шихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличушь швой приходъ,
Иль солнце яркое зайдешъ въ печальны шучи,
Знай: завпра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ; а ранній селянинъ,
Гошовась ужь косишь высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдешъ на рабшу
И погрузишься вновь въ лѣнливую дремону.

XI.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Когда по синевѣ морей
 Зефиръ скользишь и шихо вѣешь
 Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
 И челны на волнахъ лелѣешь,
 Забошь и думъ слагая грузъ,
 Тогда лѣнюсь я веселѣ
 И забываю пѣсни музъ:
 Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.
 Когда же волны по брегамъ
 Рѣвущъ, кипящъ и пѣной плещущъ
 И громъ гремишь по небесамъ
 И молніи во мракъ блещущъ,
 Я удаляюсь ошь морей
 Въ гостепріимныя дубровы:
 Земля мнѣ кажешся вѣрнѣй
 И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый;
 Живешь на ушломъ онъ челнѣ,
 Игралище слѣпой пучины;
 А я въ надежной шишинѣ
 Внимаю шумъ ручья долины.

XII.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играешь локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордосшь отражаетъ!

П О С Л А Н І Я.

ПОСЛАНИЯ.

I.

ЛИЦИНИЮ.

Лициній, зришь ли пы: на быстрой колесницѣ,
Вънчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Вешулій молодой
Въ толпу народную лепишь по мостовой?
Смошри, какъ всё предъ нимъ смиренно спину клоняшь;
Смошри, какъ ликторы народъ несчастный гоняшь!
Льщецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ спремись усердный взглядъ;
Ждушъ, ловяшь съ препешомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будшо дивнаго боговъ благословенья;
И дѣши малыя и шарцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечашлѣнной,
Есть нѣкій памятникъ почешный и священной.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль пы палъ?
Кшо васъ порабошилъ и власпью оковаль?

Квиришы гордые подь иго преклонились
 (Скажу ль?) Вешуля! Опчизны спыдь моей,
 Развращный юноша възсълъ въ совѣшь мужей;
 Любимецъ деспота сенапомъ слабымъ править,
 На Римъ просперъ яремъ, опечесство безславишь;
 Вешулій Римлянъ царь!... О спыдь, о времена!
 Или вселенная на гибель предана?
 Но кшо подь поршикомъ, съ поникшею главою,
 Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идешь?
 Куда шы нашъ мудрецъ, другъ истины, Дамешъ!
 Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
 Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство не навичу.
 Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
 Смиренно поклонясь форшунѣ и мечшамъ,
 Съдаго циника примѣромъ научиться?
 Съ развращнымъ городомъ не лучше ль намъ проспишься,
 Гдѣ все продажное: законы, правоша,
 И консуль и шрибунъ, и чесшь и красота?
 Пускай Глицерія, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
 Неопышность другихъ въ наемну ловишь съшь!
 Намъ спыдно слабости съ морщинами имѣшь;
 Тщеславной юношти оставимъ блескъ веселій:

Пускай безстыдный Клишъ, слуга вельможъ, Корнелій
Торгуюшъ подлосшью и съ дерзосшнымъ челомъ
Ошъ знашныхъ къ богачамъ ползущъ изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ Римлянинъ; кипишъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлешъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко ошъ забошъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красошъ!
Зависпливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню пренесемъ ошеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рошъ, на берегу морскомъ,
Найши непрудно намъ укромный, свѣшлый домъ,
Гдѣ, больше не спрашась народнаго волненья,
Подъ спаросшъ опдохнемъ въ глуши уединенья.
И шамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
Вспомнивъ спарину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ возпламеню жестошимъ Ювеналомъ,
Въ саширѣ праведной порошъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ попомсшву обнажу.
О Римъ, о гордый край развраша, злодѣянья!
Придешъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падешъ, падешъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.
Народы юные, сыны свирѣпой брани,

Съ мечами на шебя подымушь мощны длани ,
И горы и моря оставяшь за собой
И хлынушь на шебя кипящею рѣкой.
Исчезнешь Римъ ; его покроешь мракъ глубокой ;
И пушникъ , успрямивъ на груды камней око ,
Воскликнешь , въ мрачное раздумье углублень :
« Свободой Римъ возросъ , а рабствомъ погублень .»

II.

В * * * М у.

Прости, щаспливый сынъ пировъ,
Балованный дия свободы,
Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлешь наяву
И наслажденьямъ знаешь цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плѣняешь песпропой,
Спаринной роскошью, пирами,
Невѣсшамы, колоколами,
Забавной, легкой суешой,
Невинной прозой и сшихами.
Ты шамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманшво въ шишыхъ кружевахъ,
И глупость въ золошыхъ очкахъ,

И шяжкой знапности веселье ,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минушный наблюдашель ,
Ты посмѣешься подъ рукой ;
Но вскорѣ , вѣрный обожашель
Забавъ и лѣни золшой ,
Держася моего совѣша
И волю всей душой любя ,
Оставишь кругъ большаго свѣша
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріюштѣ опдаленномъ
Я вижу мысленно себя :
Кипипъ въ бакалѣ опѣненномъ
Аи холодная спруя ;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ шрубокъ ,
Въ халашахъ , новые друзья
Шумяшь и пьюшь ; задорный кубокъ
Обходишь ихъ безумный кругъ ,
И мчишься въ радосняхъ досугъ ;
А шамъ египешскія дѣвы
Лешаюшь , вьются предъ шобой ;
Я слышу звонкіе напѣвы ,
Спонъ нѣги , вопли , дикій вой ;
Ихъ испушенныя движенья ,

Огонь неисповыхъ очей,
И все, мой другъ; въ душѣ швоей
Раждаешъ препешъ упоенья. . . .
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаешъ плѣнница младая;
Весь день уныла и шомна,
Въ своей задумчивосши сладкой
Тихонько плачешъ подь окномъ
Ошъ грозныхъ аргузовъ украдкой,
И смошришъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы шакъ часшо пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и шобой,
Куда съ надеждой и шоской
Ея желанья улепали.
О скоро ль милаго найдущъ
Ея пошупленные взоры,
И предъ любовью упадушъ
Замковъ ревнивые зашворы?
А нашъ осирошѣмый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживишся?
Когда прискачешъ, милый другъ?
Душа вослѣдъ шебѣ спремшся.
Гдѣ бѣ ни былъ шы, возми вѣнокъ

Изъ рукъ младаго сладоспращья,
И докажи, что ты знапокъ
Въ невѣдомой наукѣ щасья.

III.

П * * * Н У.

Что восхищительнѣй, живѣй
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пусшыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
 И что завиднѣй крашкихъ дней
 Неслишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шашрахъ,
 Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный прусъ Горацій
 Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
 Не знаютъ свѣща принужденья,
 Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубящся въ бояхъ.
 Щасливъ, кто миль и спрашенъ міру;
 О комъ за пѣсни, за дѣла
 Гремитъ правдивая хвала;

Кшо славиль Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межь вѣрной сабли и сѣдла!

IV.

Ш***ОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстьѣ мирное межъ Пиндомъ и Цишерой,
 Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мѣлецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный пшомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашашъ игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою щаспливую качали колыбель.

Друзей любишь опкрышою душою,
 Въ молчаньи чувшвовашъ, плѣняшся красою:
 Вошь жребій мой; ему я слѣдовашъ гошовъ,

Но, милый, сжался надо мною,

Не пребуй опъ меня спиховъ!

Невѣчно нѣжишься въ пріятномъ ослѣпленьи:

Докучной испины я поздній вижу свѣшъ.

По доброшъ души я вѣрилъ въ упоены

Мечшъ шепнувшей: ты поэшъ,

П, презря мудрые угрозы и совѣшы,

**

Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты
Игрушкою себя невинной веселилъ;
Угодникъ Бахуса, я презвѣый межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными спихами;
Мечшашельныхъ Доридъ и славиль и бранилъ,
Иль дружбѣ плель вѣнокъ: и дружество звало
И сонные спихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили Парнаскія забавы;
Недолго снились мнѣ мечшанья музъ и славы:
И, спрогимъ опышомъ неволью пробуждѣнь,
Уснувъ межъ розами, на шерпахъ я проснулся,
Увидѣль, что еще не генія печать
Охоша смершная на риѣмахъ лепешашъ,
Сравнивъ спихи швои съ моими, улыбнулся:
И полно мнѣ писашъ.

V.

ДЕЛВИГУ.

Любовью, дружесвомъ и лъню

Укрышый ошъ забошъ,

Живи подъ ихъ надежной сѣню!

Въ уединеніи шы щаспливъ : шы поэшъ.

Наперснику боговъ неспрашны бури злыя :

Надъ нимъ ихъ промысль высокій и свяшой ;

Его баюкаюшъ камни молодья

И съ першомъ на успахъ храняшъ его покой.

О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья

Еще въ младенческую грудь

Вліяли искру вдохновенья

И шайный указали пушь :

Я мирныхъ звуковъ наслажденья

Младенцемъ чувспвовашъ умѣль,

И лира спала мой удѣль.

Но гдѣ же вы, минушы упоенья,

Неизьяснимый сердца жаръ,

Одушевденный шрудъ и слезы вдохновенья!

Какъ дымъ исчезъ мой легкій дарь.
Какъ рано зависши привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ !
Нѣшь, нѣшь, ни щаспіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похваль
Не буду увлечень! Въ бездѣйствіи щаспливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можешь бышь, вздохну въ воспоргѣ молчаливомъ,
Внимая звуку спрунь швоихъ.

VI.

КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосѣльемъ :
Право, намъ шакимъ бездѣльемъ
Занимашся недосугъ.
Пусть оспылой жизни чашу
Тянешь медленно другой ;
Мы жь ушрашимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой ;
Каждый у своей гробницы
Мы присядемъ на порогъ ,
У Пафоскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ ,
И шолпою наши шѣни
Къ шихой Лешъ убѣгунъ ;

Смертный мигъ нашъ будешь свѣшель:
И подруги шалуновъ
Соберушь ихъ легкій пепель
Въ урны праздныя пировъ.

VII.

А Л Е К С Ъ Е В У.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечпы!
Я позабыль любви призывы
И плѣнь опасной красомы.
Свободы другъ миролюбивый,
Въ шолпѣ красавицъ молодыхъ
Я равнодушный и лѣнивый
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ помный взоръ, привѣшный лепешъ
Уже невласпны надо мной.
Забыло сердце нѣжный шрепешъ
И пламя юноспи живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбисься шрудно,
Вздыхашъ неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣришь безразсудно,
Мужей обманывашъ грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Барашынскій, я швержу:
«Нельзя ль найпи подруги нѣжной,

«Нельзя ль найши любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставляя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ спраспей,
Я спаль наперсникъ оспорожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ испуленной,
Тоскуя, плачешь предо мной
И для красавицы надменной
Клянешься жершвовашь собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ воспоргомъ изьясняешь онъ
Неясныхъ, шемныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянешь ревниваго супруга,
Или докучливую машь:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминушнымъ повпореньямъ
Люблю съ учасіемъ внимашь;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юношью чужой
И говорю: шакъ было прежде
Во время оно и со мной.

VIII.

К * * * Н У.

Кто мнѣ пришлеть ея поршреть ,
Чершы волшебницы прекрасной ?
Таланшовъ обожашель спрашной ,
Я прежде былъ ея поэштъ .
Съ досады , можешъ бышь , напрасной ,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блишала славой ,
Я свисхомъ гимны заглушилъ .
Погибни злобы мигъ единой !
Погибни лиры ложный звукъ :
Она виновна , милый другъ ,
Предъ Мельпоменой и Моиной .
Такъ легкомысленной душой ,
О боги , смершный васъ поносите ;
Но вскорѣ шрепешной рукой
Вамъ жершвы новыя приносите .

IX.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ, когда передъ шобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно швой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ
И въ хорѣ свѣшлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый брашь, какіе звуки!
Въ слезахъ воспорга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь и лешаешь
И вновь живешь и обнимаешь
Разбишый юноши кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье даль опрады,

Я не хочу другой награды :
Недаромъ шемною спезѣй
Я проходилъ пуспыню міра,
О нѣшь, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

X.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умилнымъ голосомъ и взоромъ
 Младое сердце разпалашь
 И шихимъ, сладоспнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызывашь?
 Къ чему обманчивая нѣжность,
 Спыдливосши припворный видъ,
 Движеній шомная небрежность
 И шрепешъ усшь и жарь ланишь?
 Напрасны хишряя шпаранья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣшь...
 Невольный хладъ негодованья
 Тебѣ мой роковой опвѣшь.

 Скажи: у двери оцѣненной
 Твоей обишели презрѣнной
 Кпо смѣлой не спучаль рукой?
 Нѣшь, нѣшь, другому свой завялый

Неси , прелестница , вѣнокъ ;
Ласкай неопышный порокъ ,
Въ швоихъ обяшяхъ успалый ;
Но гордый замысль забудь :
Не привлечешь пишомца музы
Ты на предашельную грудь !
Неси другимъ наемны узы ,
Своей любви пошпидный шоргъ ,
Корыспи хладныя лобзанья
И принужденныя желанья
И злшпомъ купленный восторгъ !

XI.

N. N.

Я ускользнулъ опъ Эскулапа
 Худый, обрипый, но живой:
 Его мучительная лапа
 Не шягошѣшь надо мной.
 Здоровье, легкій другъ Пріапа,
 И сонъ, и сладоспный покой,
 Какъ прежде, посѣшили снова
 Мой уголь шѣсный и проспой.
 Ушѣшь и ты полубольнаго!
 Онъ жаждешъ видѣшся съ шобой,
 Съ шобой, щаспливый беззаконникъ,
 Лѣнивый Пинда гражданинъ,
 Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
 Венеры вѣшренный поклонникъ
 И наслаженій власпелинъ!
 Опъ суешы сполицы праздной,
 Опъ хладныхъ прелеспей Невы,
 Опъ вредной сплешницы молвы,

Отъ скуки , споль разнообразной ,
Меня зовушь холмы , луга ,
Тѣнисшы клены огорода ,
Пусшынной рѣчки берега
И деревенская свобода.

• • • • •
• • • • •

XII.

Ч*** В у.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ, крови жаждущимъ, богамъ
 Дымились жершвоприношенья;
 Здѣсь успокоена была
 Вражда свирѣпой эмениды:
 Здѣсь провозвѣшница Тавриды
 На брата руку занесла;
 На сихъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы шоржештво,
 И душъ великихъ божештво
 Своимъ созданьемъ возгордилось.

.
 Ч***, помнишь ли былое?
 Давно ль съ воспоргомъ молодымъ
 Я мыслилъ имя роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцахъ, бурями смиренномъ,

Теперь и лёнъ и пишина,
И, въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

XIII.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламеняшь
Воображеніе поэшовъ,
Его превожидь и плѣняшь
Любезной живостью привѣшовъ,
Восточной снранностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И эшой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги шомной
Для упоенія снрасшей.
Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечтахъ небесныхъ рисоваль
Свой неизмѣнный идеаль,
Ужь не себя ль изображалъ
Поэшь мучительный и милый?
Бышь можешь, въ дальней споронѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенной
Узналь, иль видѣль, какъ во снѣ,

И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Бышь можешь, лирою щаспливой
Тебя волшебникъ искашалъ;
Невольный шрепетъ возникалъ
Въ швоей груди самолюбивой:
И шы, склонясь къ его плечу....
Нѣшь, нѣшь, мой другъ, мечшы ревнивой
Пишашъ я пламя не хочу:
Мнѣ долго щастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждашься имъ,
И, шайной грушню шомимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

XIV.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
 Покрышый кровію свяшой,
 Чудесный швой ошець, пресшупникъ и герой,
 И ужаса людей и славы былъ достоинъ.
 Тебя младенца онъ ласкаль
 На пламенной груди рукой окровавленной;
 Твоей игрушкой былъ кинжаль
 Братоубійшвомъ изощренной.
 Какъ часпо, возбудивъ свирѣпой месши жаръ,
 Онъ молча надъ швоей невинной колыбелью
 Убійства новаго обдумываль ударъ
 И лепешь швой внималь и не былъ чуждъ веселью!
 Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
 Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ опца
 Смирненной жизнию предъ небомъ изкупила:
 Съ могилы грозной къ небесамъ
 Она, какъ сладкій өиміамъ,
 Какъ чистая любви молишва возходила.

XV.

ЖУКОВСКОМУ.

Когда, къ мечшательному міру
 Спрямясь возвышенной душой,
 Ты держишь на колѣнахъ лиру
 Нешерпѣливою рукой;
 Когда смѣняюшся видѣнья
 Передъ побой въ волшебной мглѣ,
 И быстрый холодъ вдохновенья
 Власы подъемлетъ на чель:
 Ты правъ, шворишь ты *для немногихъ*,
 Не для завистливыхъ судей,
 Не для сбирашелей убогихъ
 Чужихъ сужденій и вѣщей,
 Но для друзей шаланша строгихъ,
 Священной истины друзей.
 Не всякаго полюбишь щасье,
 Не всѣ родились для вѣнцовъ.
 Блаженъ, кто знаешь сладосшрасье
 Высокихъ мыслей и спиховъ;

Кто наслажденье прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И швой воспоргъ уразумѣлъ
Воспоргомъ пламеннымъ и яснымъ !
Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свилокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ шамъ, въ дыму сполъшій :
Предъ нимъ волнуется толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣши,
Съ сынами доблести прямой ;
Ошь сна воскресшими вѣками
Онъ бродишь шайно окружёнъ
И благодарными слезами
Карамзину приносишь онъ
Живой души благодаренье
За мигъ воспорга золошой,
За благошворное забвенье
Безплодной суешы земной :
И въ немъ шрепещеть вдохновенье.

XVI.

Ч*** В У.

Въ спрашѣ , гдѣ я забылъ превоги прежнихъ лѣтъ ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пусшыннй мой сосѣдъ ,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой ,
 Тебя недоспашь душѣ моеѣ успалой .
 Врагу спѣснительныхъ условій и оковъ ,
 Нешрудно было мнѣ опвыкнушь ошъ пировъ ,
 Гдѣ праздный умъ блеснишь , тогда какъ сердце дремлетъ
 И правду пылкую приличій хладъ объемятъ .
 Оспавя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ ,
 Вздохнувъ , оспавилъ я другія заблужденья ,
 Враговъ моихъ предавъ прокляшю забвенья ,
 И , съпи розорвавъ , гдѣ бился я въ плѣну ,
 Для сердца новую вкушаю пишину .
 Въ уединеніи мой своенравный геній
 Позналъ и шихій прудъ и жажду размышленій .
 Владѣю днемъ моимъ ; съ порядкомъ дружень умъ ;
 Учусь удерживашъ вниманье долгихъ думъ ;

Ищу вознаградишь въ обящіяхъ свободы
 Мягкою младостью утраченные годы
 И въ просвѣщеніи спашь съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улыбнулись;
 Цѣвницы брошенной успа мои коснулись;
 Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
 Пою мои мечшы, природу и любовь,
 И дружбу вѣрную и милые предметы,
 Пльнявшіе меня въ младенческія лѣпы,
 Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботы, ни цѣли, ни системы,
 Я пѣвьемъ оглашалъ пріюты забавы и лѣны
 И Царскосельскія хранищельныя сѣни.
 Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
 Ни музы, ни шруды, ни радости досуга,
 Ничто не замѣнишь единственнаго друга.
 Ты былъ цѣлишелемъ моихъ душевныхъ силъ;
 О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвящилъ
 И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можешь быть, спасенныя шобою!
 Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ пошомъ въ волненіи спросшей

Я шайно изнывалъ, спрадалецъ упомянутой ;
 Въ минушу гибели надъ бездною помянутой
 Ты поддержалъ меня недремлющей рукою ;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой ;
 Во глубину души вникая спрогнмъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣсомъ иль укоромъ ;
 Твой жаръ воспаменялъ къ высокому любовь ;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь ;
 Ужь голосъ клеветы не могъ меня обидѣть :
 Умѣлъ я презирашь, умѣя ненавиждѣть .

. 9 .

Мнѣ ль было сѣшовашъ о шолкахъ шалуновъ ,
 О лепешаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ ,
 И сплешней разбирашь игривую зашѣю ,
 Когда гордишься могъ я дружбою швоею ?
 Благодарю боговъ : прошель я мрачный пущъ ;
 Печали раннія мою шѣснили грудь :
 Къ печалямъ я привыкъ , расчелся я съ судьбою ,
 И жизнь перенесу споической душою .
 Одно желаніе : останься ты со мной !
 Небесь я не шомилъ молишвою другою .
 О , скоро ли , мой другъ , наспанешъ срокъ разлуки ?
 Когда соединимъ слова любви и руки ?
 Когда услышу я сердечный швой привѣшь ?

Какъ обниму тебя! Увижу кабинешъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечпашель
И въпреной шолпы безспрасный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домохъдъ,
Съ тобою вспоминашь бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвещевъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
И щасливъ буду я: но шолько ради Бога
Гони ты *** ошь нашего порога!

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ¹⁰.

(Посвящено П. А. Осиповой.)

I.

Клянусь чешой и нечешой,
Клянусь мечемъ и правой бишвой,
Клянуся ушренной зарей,
Клянусь вечернею молишвой¹¹:

Нѣшь, не покинуль я шебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввель, главу его любя,
И скрыль ошь зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоиль
Тебя пуспынными водами?
Не я ль языкъ швой одариль
Могучей власпью надъ умами?

Мужайся жь, презирай обмань,
Спезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиропшь, и мой корань
Дрожащей швари проповѣдуй!

II.

О жены чистыя пророка!
Ошъ всѣхъ вы женъ ошличены:
Спрашна для васъ и шѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью шишины
Живите скромно! Вамъ приспало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и спыдливыхъ!
Да взоръ лукавый нечешивыхъ
Не узришь вашего лица!

А вы, о госши Магомеша,
Спекаясь къ прапезѣ его,
Брегитесь суешами свѣша
Смушите пророка моего!
Въ пареньи думъ благочешивыхъ,
Не любите онъ велерѣчивыхъ

И словъ нескромныхъ и пусшыхъ :
Почтите пиръ его смиреньемъ ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ ¹² !

III.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
Слѣнца послышавъ приближенье ¹³ :
Бѣжишь, да не дерзнешь порокъ
Ему являшь недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для спрощивыхъ ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечеспивыхъ !

Почто жь кичишься человекъ ?
За то ль, что нагъ на сѣвнѣ явился,
Что дышишь онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умреть, какъ слабъ родился ?

* *

За по ль, что Богъ и умершвишь
И воскресишь его по волю?
Что съ неба дни его хранишь
И въ радосняхъ и въ горькой долѣ?

За по ль, что далъ ему плоды
И хлѣбъ и финикъ и оливу,
Благословивъ его шруды
И верхоградъ и холмъ и ниву?

Но дважды ангель возшрубипъ;
На землю громъ небесный грянешь:
И брашъ ошъ брапа побѣжишь
И сынъ ошъ машери ошпрянешь.

И всѣ предъ Бога пришекушь,
Обезображенные спрахомъ:
И нечеспивые падушъ,
Покрышы пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древлѣ , о Всесильный ,
Могучій соспязашься мнилъ ,
Безумной гордостью обильный ;
Но Ты , Господь , его смирилъ .
Ты рекъ : Я міру жизнь дарую ,
Я смершью землю наказую ,
На все подъяша длань моя .
Я пакже , рекъ онъ , жизнь дарую ,
И пакже смершью наказую :
Съ Тобою , Боже , равень я .
Но смолкла похвальба порока
Опъ слова гнѣва Твоего :
Подъемлю солнце я съ востока ;
Съ закаша подыми его !

V.

Земля недвижна ; неба своды ,
Творецъ, поддержаны Тобой ,
Да не падушъ на сушь и воды
И не подавяшъ насъ собой ¹⁴!

Зажегъ Ты солнце во вселенной ,
Да свѣшишь небу и земль ,
Какъ лень, елеемъ напоенной ,
Въ лампадномъ свѣшишь хрушаль.

Творцу молишесь ; Онъ могучій :
Онъ правишь въшромъ ; въ знойный день
На небо насылаешь шучи ;
Даешь земль древесну сѣнь.

Онъ милосердь : Онъ Магомешу
Открыль сияющій коранъ ,
Да припечемъ и мы ко свѣшу
И да падешь съ очей шуманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обрипыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на спѣвиѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣши пламенныхъ пушпынь!
Ведите въ плѣнъ мѣладыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельспясь добычей боевою
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекушь : возмише насъ съ собою ,
Но вы скажише : не воземъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи :
Теперь они вошли въ эдемъ
И пошонули въ наслажденьи ,
Неоsprавляемомъ ничьмъ.

VII.

Возстань , боязливый!
Въ пещерь швоей
Свяшая лампада
До ушра горишь.
Сердечной молишвой,
Пророкъ , удали
Печальныя мысли ,
Лукавыя сны !
До ушра молишву
Смиренно швори ;
Небесную книгу
До ушра чишай !

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ расчепливой рукою:
Щедроша полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ пучной,
 О сѣяшель благополучной,
Спорицею воздасъ она швоимъ шрудамъ.

Но если, пожалѣвъ шрудовъ земныхъ спяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь пы свою зависпливую длань;
Знай: всѣ швои дары, подобно горспи пыльной,
 Чшо съ камня моешь дождь обильной,
Ичезнушь, Господомъ опшверженная дань.

IX.

И пушникъ усшаль на Бога ропшаль :
Онъ жаждой помился и шѣни алкаль.
Въ пустынь блуждая при дня и при ночи ,
И зноемъ и пылью щягчимыя очи
Съ поской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладезь подь пальмою видишь онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ успремилъ
И жадно холодной спруей освѣжилъ
Горѣвшіе шяжко языкъ и зѣници ,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы :
И многіе годы надъ нимъ прошекли
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Наспаль пробужденья для пупника часъ ;
Вспаешъ онъ и слышишь невѣдомый гласъ :
« Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко ? »
И онъ ошвѣчаешъ : ужь солнце высоко
На ушреннемъ небѣ сіяло вчера ;
Съ ушра я глубоко проспаль до ушра.

Но голосъ : « о пупникъ , ты долѣ спаль ;
Взгляни : легъ ты молодъ , а спарцемъ возспаль ;
Ужь пальма изшлѣла , а кладезь холодной
Изякъ и засохнулъ въ пустынь безводной ,
Давно занесенный песками степей ,
И косши бѣлѣюшь ослицы швоей . »

И горемъ обяпый мгновенный спарикъ ,
Рыдая , дрожащей главою поникъ...
И спранное чудо шогда совершилось :
Минувшее въ новой красѣ оживилось ;
Вновь зыблешся пальма пѣниспой главой ;
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.

И вешіа кости ослицы вспають ,
И шѣломъ одѣлись, и ревъ издають ;
И чувствуешь пушникъ и силу и радость ;
Въ крови заиграла воскресшая младость ;
Святые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ пушь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
 Aninie le soir d'un beau jour,
 Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(V. Les derniers vers d'André Chénier.)

2. У Авеля, у Фанни.

Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I):
 одинъ изъ друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les
 odes qui lui sont adressées.

3. И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

4. Voyez ses jambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait
 célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois,
 attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait
 demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de
 calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple
 du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée
 dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

5. Онъ былъ казнень 8 пермидора, ш. е. наканунѣ низверженія Робеспієра.
6. На роковой пѣлегѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poësie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretient et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. C'étoit la première scène d'Andromaque.
- (H. de la Touche.)
7. На мѣсцѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.
8. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣсцахъ поэшь шушишь надѣ философією эпикурейцевъ. Чипашель безъ сомнѣнія не будетъ смѣшивать чиспыхъ, душевныхъ наслажденій съ удовольствіями чувспенными.
9. Всѣ пропуски въ стихопвореніяхъ, означенные почками, сдѣланы самимъ авторомъ.
10. « Нечеспивые, пишешъ Магомешъ (глава Награды), думаюшь, что коранъ естъ собраніе новой лжи и старыхъ басень. » Мнѣніе сихъ *нечеспивыхъ* конечно справедливо; но, не смопря на сіе, многія нравспенныя испины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэпическимъ образомъ. Здѣсь предлагаешя нѣсколькo вольныхъ подражаній.

Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ ошъ своего имени, а о Магомешъ упоминается шолько во второмъ, или шрепьемъ лицѣ.

11. Въ другихъ мѣспахъ корана Алла клянешся копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣшелію и порокомъ, ангелами и человекомъ и проч. Спранный сей репорическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминушно.
12. «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ эшаго не скажешъ, ибо онъ весьма учпивъ и скромень; но я не имѣю нужды съ вами чинишся.» и проч. Ревность Араба шакъ и дышишъ въ сихъ заповѣдяхъ.
13. Изъ книги *Слѣпецъ* (*Тифля*). Вошъ, почему слово сіе почитается у Турковъ за жесточайшую брань.
14. Плохая физика; но за шо какая смѣлая поэзія!

К О Н Е Ц Ъ.

кабинет.

278

Стих-17 1820

